

**Guénon René. L'erreur spirite. Paris, 1923. Пер. с французского Андрея
Игнатьева**

Часть I

Необходимые разграничения и уточнения

Глава I. Определение спиритизма

Поскольку мы намереваемся сперва отделить спиритизм от многого другого, с чем его так часто путают, хотя у них мало общего, необходимо начать с точного определения. На первый взгляд, кажется, что можно это определение выразить в следующих словах: сущность спиритизма заключается в допущении признании общения с умершими: именно это является, собственно говоря, тем, в чем обязательно сходятся все школы спиритизма, каковыми бы ни были их теоретические расхождения по другим более или менее важным вопросам, по отношению к этому положению эти вопросы выглядят всегда второстепенными. Но этого недостаточно: основополагающий постулат спиритизма состоит в том, что общение с умершими является не только возможностью, но реальностью; те, кто лишь допускает возможность, не являются настоящими спиритами. Правда, то, что в этом последнем случае невозможно полностью опровергнуть учение спиритов, что уже важно. Так как мы покажем это впоследствии, общение с умершими, такое, каким они его понимают, совершенно невозможно, и что лишь так можно отвергнуть все их претензии полным и окончательным образом. Помимо этой позиции, возможны только более или менее неприятные компромиссы, и когда становишься на путь уступок и соглашений, трудно знать, где остановиться. Подтверждением этого мы имеем то, что случилось с некоторыми, а именно с теософистами и оккультистами, которые бы энергично запротестовали и, впрочем, вполне справедливо, если бы их назвали спиритами, но которые по различным

причинам допускали, что общение с умершими могло по-настоящему иметь место более или менее в редких и исключительных случаях. Признать это означает в итоге допустить, что гипотеза спиритов верна, но последние не удовлетворяются этим и утверждают именно, что это общение производится, так сказать, будничным образом на всех их сеансах, а не только в одном случае на сто или тысячу. Стало быть, для спиритов достаточно оказаться в определенных условиях, чтобы вступить в подобное общение, которое они, таким образом, рассматривают не как что-то чрезвычайное, а как обычное и нормальное явление. Именно это уточнение надлежит включить в само определение спиритизма.

Есть и кое-что еще: до сих пор мы говорили об общении с умершими очень неопределенным образом, но сейчас следует уточнить, что для спиритов это общение осуществляется при помощи материальных средств. Это еще один момент, который совершенно важен, чтобы отличить спиритизм от некоторых других учений, в которых допускается только мысленное, интуитивное общение, нечто вроде вдохновения. Спириты также, без сомнения, допускают подобное, но это не есть то, чему они придают наибольшую важность. Мы обсудим этот момент позже и можем сразу сказать, что подлинное вдохновение, которое мы вовсе не отрицаем, на деле имеет совершенно другой источник; но такие представления являются, несомненно, менее грубыми, чем собственно, представления спиритов, и возражения, которые они вызывают, немного другого порядка. Как собственно принадлежащую спиритам мы рассматриваем идею, что «духи» воздействуют на материю, что они производят такие физические феномены, как перемещение предметов, постукивания и другие различные звуки и так далее. Мы приводим здесь только самые простые и общие примеры, которые также являются самыми показательными. Впрочем, надо добавить, что это воздействие на материю, как предполагается, осуществляется не прямо, но через посредничество живого человеческого существа, наделенного особыми

способностями, которое благодаря этой посреднической роли именуется «медиумом». Трудно точно определить природу «медиумических» или «медианимических» способностей и по этому поводу существуют разные мнения. Кажется, что чаще всего их относят к сфере физиологии или, если угодно, психофизиологии. Сразу заметим, что введение этого посредника не отменяет трудностей: на первый взгляд, не кажется, что «духу» легче воздействовать непосредственно на организм живого существа, чем на какой-либо неодушевленный предмет, но здесь вмешиваются немного более сложные соображения.

«Духи», вопреки данному им названию, не рассматриваются как чисто нематериальные существа. Напротив, утверждают, что они облачены в что-то наподобие оболочки, которая, будучи слишком тонкой, чтобы естественным образом восприниматься органами чувств, тем не менее представляет собой материальный организм, настоящее тело, обозначаемое скорее варварским названием «перисприт». Если дело обстоит таким образом, то можно спросить, отчего этот организм не позволяет «духам» прямо воздействовать на неважно какую материю и почему им необходимо прибегать к услугам медиума? По правде говоря, у спиритов в этом мало логики, или если «перисприт» сам не способен воздействовать на воспринимаемую органами чувств материю, то также дело должно обстоять с соответствующим элементом, которым обладает медиум или любое другое живое существо, и тогда этот элемент ничем не может помочь в производстве феноменов, об объяснении которых идет речь. Естественно, мы довольствуемся тем, что мимоходом укажем на эти трудности, которые надлежит разрешить спиритам, если они в состоянии это сделать. Было бы бесполезно продолжать обсуждение этих особых моментов, потому что существует много более лучших возражений против спиритизма, и для нас именно не этим образом должен ставиться вопрос. Однако мы полагаем полезным немного остановиться на том, как спириты вообще рассматривают строение

человеческого существа и сразу привести, чтобы отбросить всякую двусмысленность, наши возражения против этой концепции.

Современные западные люди имеют привычку представлять строение человека в столь упрощенной и уменьшенной форме, сколь это возможно, потому что они выделяют только два элемента, один из которых тело, а второй, не делая различий, называется душой или духом. Мы говорим, современные западные люди, потому что, по правде говоря, эта дуалистическая теория утвердилась окончательно только со времен Декарта¹. Мы не можем здесь взяться за изложение, даже краткое, истории этого вопроса, мы скажем только, что в былые времена представления о душе и теле вовсе не допускали их полного антагонизма, делающего их союз по-настоящему необъяснимым и также даже и на Западе существовали представления менее «упрощенные» и более близкие к представлениям обычных людей, для которых человеческое существо представляет собой намного более сложное целое. И еще в большей степени они были далеки тогда от той последней степени упрощения, которую представляют материалистические теории, имеющие более недавнее происхождение, чем все прочие, согласно которым человек вовсе не является чем-то сложным, потому что он сводится к единственному элементу, к телу. Среди старинных представлений, на которые мы только что указали, можно было отыскать немало таких, которые не восходят к античности и берут свое начало только со времени средних веков и согласно которым человек состоит из трех элементов, с различием души и духа. Впрочем, существует некоторая нечеткость в использовании этих двух терминов, но душа чаще всего оказывается средним элементом, которому отчасти соответствует то, что

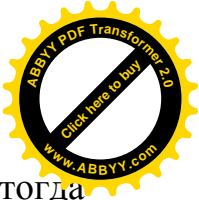
¹ Декарт Рене (Descartes René; 1596 - 1650) – французский философ и ученый. Признавал наличие в мире двух родов сущностей: протяжённой (*res extensa*) и мыслящей (*res cogitans*), при этом проблема их взаимодействия разрешалась введением общего источника (Бога), который, выступая создателем, формирует обе субстанции по одним и тем же законам. – Прим. пер.

некоторые современные люди назвали «жизненным принципом», в то время как лишь дух оказывается в таком случае подлинной, постоянной и не подверженной гибели сущности. Именно эту тройственную концепцию оккультисты или, по крайней мере, большинство среди них захотели обновить, введя в нее к тому же особую терминологию. Но они ничуть не поняли её истинный смысл и своим несерьезным подходом лишили её всякого значения: таким образом, они превращают средний элемент в тело, «астральное тело», странным образом напоминающее «перисприт» спиритов. Все теории этого рода ошибаются, в сущности являясь лишь нечто вроде перенесения материалистических представлений. Этот «неоспиритуализм» кажется нам скорее расширенным материализмом и еще это расширение само носящим слегка обманчивый характер. Это больше всего сближает эти теории, и, вероятно, следует искать их истоки в «виталистских» концепциях¹, сводящим средний элемент строения человека к единственной роли «жизненного принципа», чье существование допускается лишь для того, чтобы объяснить, как дух может двигать тело, с позиции картезианской гипотезы эта проблема неразрешима.

Витализм, поскольку он неверно ставит вопрос и является в сущности лишь физиологической теорией, становится на весьма особую точку зрения, уязвимую для простейшего возражения: если допустить, как Декарт, что природа духа и природа тела не имеют ни малейшей точки соприкосновения, то тогда оказывается невозможным, что между ними существовал бы посредник или средний элемент; или если, напротив, допустить, как древние,

¹ Витализм (от лат. *vitalis* — «жизненный») — учение о наличии в живых организмах нематериальной сверхъестественной силы, управляющей жизненными явлениями — «жизненной силы» (лат. *vis vitalis*) («души», «энтелехии», «археи» и проч.). Теория витализма постулирует, что процессы в биологических организмах зависят от этой силы, и не могут быть объяснены с точки зрения физики, химии или биохимии. В настоящее время виталистские концепции отвергнуты наукой, но сохраняют свое значение в паранауке (биоэнергия, «психическая энергия» в рерихианстве и др.) — *Прим. пер.*

что между ними существует определенное родство природы, то тогда посредник становится ненужным, так как этого родства достаточно для объяснения того, что одно может воздействовать на другое. Это возражение ценно против витализма и также против «неоспиритуалистических» представлений, поскольку они происходят из витализма и принимают его точку зрения. Но, конечно, оно не относится к представлениям, приверженцы которых смотрят на вещи совершенно с других углов зрения, эти представления намного предшествуют картезианскому дуализму и, следовательно, совершенно чужды порожденным им проблемам. Согласно этим представлениям, человек является сложным существом, что соответствует настолько точно, насколько это возможно, реальности, а не предлагает гипотетическое решение сложной проблемы. К тому же с разных точек зрения можно выделить в человеческом существе более или менее большое число разделений и подразделений, и при этом подобные представления сохраняют свою совместимость. Принципиально важно не разделять это человеческое существо на две половины, которые, как кажется, не имеют между собой никакой связи, и не стремиться также после разделения объединять эти две половины посредством третьего элемента, чью природу в этих условиях даже невозможно себе представить.

Теперь мы можем вернуться к концепции спиритов, которая является трехкомпонентной, потому что оно различает дух, «перисприт» и тело. Может казаться, в некотором смысле она превосходит представления современных философов в том, что допускает присутствие еще одного элемента, но это превосходство является только кажущимся, потому что манера, в которой рассматривается этот элемент, не соответствует действительности. Впоследствии мы вернемся к этому, но есть и другой момент, на который, не имея возможности в данное время целиком его рассмотреть, мы хотим обратить внимание, и этот момент заключается в следующем: если теория спиритов уже весьма неточна в том, что касается

строения человека при жизни, она совершенно неверна, когда речь заходит о состоянии этого же самого человека после смерти. В сущности, мы затрагиваем здесь вопрос, чье рассмотрение намереваемся оставить на потом, но мы можем в двух словах сказать, что заблуждение заключается, прежде всего, в следующем: согласно представлениям спиритов, якобы после смерти ничего не меняется, если только тело исчезает, или скорее оно отделяется от двух других элементов, которые остаются, соединены друг с другом, как и прежде. Другими словами, умерший якобы отличается от живого только тем, что у него на один элемент меньше, то есть у него отсутствует тело.

Понятно без труда, что такие представления необходимы, чтобы можно было допустить общение между живыми и мертвыми, и также устойчивое существование «перисприта», материального элемента, не менее необходимо, чтобы это общение могло иметь место при помощи равным образом материальных средств. Между этими различными положениями этой теории есть определенная логическая связь, но гораздо менее понятно, почему присутствие медиума в глазах спиритов составляет необходимое условие для производства феноменов. Повторим, мы не видим причины, почему, если допустить правоту гипотезы спиритов, «дух» якобы действует лишь посредством чужого «перисприта», а не своего собственного. Или же, если смерть вызывает изменения в «перисприте» таким образом, что лишает его определенных способностей к действию, то возможность общения вообще ставится под сомнение. Как бы там ни было, спириты так настаивают на роли медиума и придают ей такую важность, что можно без преувеличения сказать, что они превращают её в одно из основных положений своей доктрины.

Мы никоим образом не оспариваем реальность способностей, именуемых «медиумическими», и наша критика относится только к интерпретации, которую им дают спириты. К тому же, не являющиеся спиритами экспериментаторы не видят никакого неудобства в том, чтобы

использовать слово «медиумичность», просто для того, чтобы их понимали, следуя установившейся традиции, хоть это слово и не имеет в таком случае первоначального оправдания своего существования, а стало быть, мы продолжим также употреблять этот термин. С другой стороны, когда мы заявляем, что нам совсем непонятна роль, приписываемая медиуму, то хотим сказать, что именно встав на точку зрения спиритов, мы её не понимаем, по крайней мере, помимо некоторых определенных случаев: без сомнения, если «дух» хочет совершить такие или такие-то действия, например, если он хочет говорить, он сможет сделать это, лишь овладев органами живого существа, но это не то же самое, когда медиум только предоставляет «духу» определенную, с трудом поддающуюся определению силу, которой даются разные названия: сила неврическая, одическая, эктеническая и много других. Чтобы избежать возражений, которые мы приводили прежде, необходимо допустить, чтобы эта сила лишь является составной частью «перисприта», и что она, существуя лишь в живом организме, имеет скорее физиологическую природу. Мы не спорим с этим, но «перисприт», если «перисприт» существует, должен пользоваться этой силой, чтобы воздействовать на воспринимаемую чувствами материю, и тогда можно задаться вопросом, в чём заключается его собственная польза, не учитывая того, что введение этого нового посредника далеко не упрощает вопрос. Наконец, кажется, что необходимо или принципиально отличать «перисприт» от неврической силы, или просто напрочь отрицать существование первого, чтобы оставить лишь второе, или отказаться от любого вразумительного объяснения. Тем более, если неврической силы достаточно для объяснения всего, что и согласуется лучше, чем любое другое предположение, с медиумической теорией, существование «перисприта» оказывается только совершенно необоснованной гипотезой. Но никакой спирит не согласится с этим выводом, тем более что за неимением каких-либо других соображений, данное заключение уже ставит под сомнение участие мертвых в феноменах, которые, оказывается, много проще объяснить некоторыми более или менее

исключительными качествами живого организма. Впрочем, с точки зрения спиритов в этих качествах нет ничего необычного, они присущи каждому человеческому существу, по крайней мере, в латентном состоянии, но редко бывает, что эти качества достигают степени, достаточной для производства очевидных феноменов, и медиумы в собственном смысле этого слова это индивиды, относящиеся к этому последнему случаю, чьи способности развились спонтанно или благодаря особым упражнениям, к тому же эта редкость является только относительной.

Теперь, есть и еще один момент, на котором мы считаем полезным остановиться: когда говорят об «общении с умершими», используют выражение, двусмысленность которого не подозревают, конечно, многие люди, начиная с самих спиритов. Если в действительности вступаешь с кем-либо в общение, то какова в точности его природа? Спириты крайне просто отвечают на этот вопрос: тех, с кем они общаются, они неправильно называют «духами». Мы говорим, неправильно, по причине присутствия предполагаемого «перисприта». Такой «дух» тождественен точно такому же человеческому индивиду, который ранее жил на земле, и если не считать, что ныне он «разволощен», то есть, лишен своего видимого и осязаемого тела, он остался абсолютно таким же, каким он был все время своей земной жизни, или скорее таким, каким бы он был, если бы продолжил жить до сих пор. Одним словом, это настоящий человек, который «выжил» и который проявляет себя в феноменах спиритизма. Но мы сильно удивим спиритов и, без сомнения, и большинство их противников, сказав, что сама простота этого ответа совершенно неудовлетворительна. Что касается тех, которые поняли сказанное нами относительно строения человека и его сложности, они поймут также и взаимосвязь, существующую между этими двумя вопросами. Претензия на общение с умершими в только что описанном нами духе является чем-то совершенно новым, и она представляет собой один из элементов, придающих спиритизму специфически современный характер.

Если в былые времена также говорили об общении с умершими, то имели в виду нечто совершенно иное. Мы хорошо знаем, что это покажется весьма необычным огромному большинству наших современников, но, однако, это так. Впоследствии мы поясним это утверждение, но мы хотели сформулировать его перед тем, как идти дальше, потому что без него определение спиритизма так и осталось бы неопределенным и неполным, хотя многие могут не заметить этого, и также, потому что именно невежество в этом вопросе не позволяет видеть в спиритизме доктрину совершенно недавнего изобретения, каковой он и является в действительности.